

7 часов вечера... Сотни тысяч рук повора...

и о принципах подготовки работников телевидения — режиссеров и редакторов...

В «Литературной газете» выступили артист И. Ильинский, писательница Е. Вечтомова...

В ответе тов. Псурцева много интересного рассказывается о будущем телевидения...

Быть может, все в телевидении обстоит сейчас настолько благополучно, что и говорить...

Наше телевидение есть очень молодое, оно только-только вступает в пору массового развития...

В начале этого года министр культуры тов. Михайлов подписал приказ о работе Центральной студии телевидения...

Всё это, повторяем, объяснимо. Но трудности, недостатки нашего телевидения должны внимательно изучаться и быстро устраняться...

Местная «академия наук»

— Карту области можно купить? — Нет. — Путь-проводитель? — Также не водится...

Впрочем, упрекать музей я не собираюсь. Музей в Архангельске хороший...

Следует изучить северных масел. Следует изучить условия его образования в северных реках...

Я увидел себя подростком, учеником средней школы. Больным праздником была для меня поездка с отцом в ближайший город...

В свое время именно краеведы начали исследование целебных грязей в Сольвычегодске и добились открытия курорта...

В Архангельском педагогическом институте положено читать курс краеведения. С некоторых пор этот курс — только на бумаге...

Когда мы беседовали, мимо нас к морскому вокзалу прошла группа входящей и выходящей с чемоданами и рюкзаками...

Множество важных проблем, поставленных патристкой, — таково мнение ученого секретаря Архангельского научно-исследовательского стационара Академии наук СССР...

Архангельск — крупный порт на нашем Севере, исходный пункт выдающихся полярных экспедиций...

Разумеется, я побывал в музее. Там мне показали список членов музейно-краеведческого совета. В его составе — руководящие работники, получившие в дополнение к своим служебным обязанностям и нагрузкам еще одну нагрузку — краеведческую...

Нельзя забывать и наблюдения за погодой. На Севере это имеет особое значение. Нелегко использовать короткое лето...

Вчера, 29 августа, в Колонном зале Украинской государственной филармонии состоялся юбилейный пленум Союза писателей Украины...

Президент Индонезии Сукарно.

Москва торжественно и радушно встретила 28 августа почетного гостя — выдающегося индонезийского государственного деятеля...

Юбилейные торжества в Киеве

Всемирный Совет Мира призвал народы отметить столетие со дня рождения гениального сына украинского народа...

В эти дни в Киев приехало много представителей зарубежных стран. В зале оперного театра, где 27 августа проходило торжественное заседание...

Вчера, 29 августа, в Колонном зале Украинской государственной филармонии состоялся юбилейный пленум Союза писателей Украины...

В ДНИ ЖАТВЫ

Когда смотришь на первый сенокос, то представляешь себе обширный ток в степи. На нем разные машины — зерноочистительные, зернопулты...

Минула очередная, пятая пятнадцатая августа. Советские люди интересуются, что произошло за эти страдальные дни жатвы на полях страны...

августа скопили хлеб с площади в 1 миллион 180 тысяч гектаров. Свыше двух третей урожая стоит пока на корню...

Нельзя забывать и наблюдения за погодой. На Севере это имеет особое значение. Нелегко использовать короткое лето...

Вчера, 29 августа, в Колонном зале Украинской государственной филармонии состоялся юбилейный пленум Союза писателей Украины...

Вчера, 29 августа, в Колонном зале Украинской государственной филармонии состоялся юбилейный пленум Союза писателей Украины...

...Когда в 1942 году после тяжелого ранения, операции и длительного пребывания в госпитале Семен Гудзенко впервые появился в Москве, это было сильно исхудавший, болезненный юноша с горящими глазами и глухотой, чуть охрипшим голосом, как если бы он только что сошел с дымящего фронта, дорогими войнами, впервые испитанной в бою дружбой. Он читал стихи, и мы явственно услышали поэта-солдата, родившегося, начавшего свой путь в армии.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

что их первые стихи появились в редакциях журналов и газет, что были опубликованы их первые книги. В незначительной, но совсем неблагоприятной, по тем более благородной этой работе Гудзенко был своего рода полпредом целого поэтического поколения.

У погодков моих нет ни жен, ни стихов, — только сила и юность. А когда возвратится с войны, все долбюм сполна и напишем, ровесник, такое, что отпами-солдатами будут гордиться сыны.

И дальше и дальше разворачиваются эти вырубленные на граните простые мысли о солдатской судьбе, о безбрежном утратенных сверстниках, о дороге достоящейся победы и возможности мирного труда. Они должны стать хрестоматийными. Да, должны! Но следует вспомнить и о том, что при жизни поэта стихи эти так и остались непечатанными. Их знали по рукописи. Всегда появлялись не в меру осторожные редакторы, которые усматривали в мужественной речи поэта нечто недолжное, несоответствие и несогласованное с тем-то и с кем-то. Сколько стояла сил Гудзенко эта неслыханная борьба за свое слово! Об этом следует вспомнить и сегодня.

Однажды кругом начавшаяся поэтическая дорога шла по прямой. Конечно, она не была автошляхой, обсаженной аккуратными елочками, отъезд не приходилось втискивать в чащубу, прокладывая гати в сыром болоте. Это была рискованная, незащищенная дорога. Судьба военного корреспондента мало чем отличалась от судьбы рядового пехотинца, каким начал Гудзенко войну в 1941 году. Уже были за плечами быстро мужавшего человека и зарева Сталинграда, и новая встреча с освободительным родным для него Киевом, и Бухалест, и Прага.

Кончилась Отечественная война. Многим из поэтов того же поколения был труден переход к темам мирного труда, выбор нового пути. Многие при этом так и не нашли себя, застряли на фронтовых воспоминаниях, на перепадах уже сочиненного ими же, другие разменяли свое дарование на бездельничанье. С Гудзенко этого не произошло. Слишком велик был заряд энергии, творческой и просто жизненной. Юный и здоровый человек чувствовал, что отдышать нельзя:

Ну, разве сласяся я теперь, когда окончен бой?

Сегодня распахнулась дверь, и я увидел перед собой: планету в холмах потерь и в дымке голубой.

Но я люблю ее такой. И в беспокоестве мой покой.

Он боялся строить прочный дом и был, не хотел оседлости. Военный корреспондент продолжался и в мирные годы. Он зафиксировал в отрывочных стихах и восстановил Сталинграда, и неповторимые дни рождения социалистического строя на Западной Украине, и яркие встречи в Туве. У него уже выработывался свой подход к жанровому материалу. Он становился мастером в выборе бехитростного сюжета, организующего стихотворную новеллу, которую он часто называл балладой по романтически-тихоновской традиции. Все крутилось заворачивало стих у Гудзенко — эти короткие стремительные строки трехстопных ямбов и хорев. Не прошла для него бесследно и фронтовая встреча с Васильем Теркинским, и он стал искать народности, легкого разговорного стиха. Порывистая угловатость ранней лирики сменялась

мягким юмором, он умел в короткой строфе хорошо вылепленный характер, рисовал пейзаж; живая речь приобретала народный склад и меткость.

Эти зрелые свойства ярче всего проявились в поэме «Дальний гарнизон», произведении, единственном по своему значению: «Дальний гарнизон» посвящен будням Советской Армии в послевоенные годы на дальних рубежах нашей Родины, в Средней Азии.

Едва начав простую сюжет. Боец Василий Горюхов ранен в последние дни войны при освобождении Вены. После госпиталя он попадает в офицерскую школу и уже в звании младшего лейтенанта получает назначение в дальний среднеазиатский гарнизон. Так начинается новый период в его жизни: «...Едет младший лейтенант в дальний гарнизон». В коротких, броских главах разворачивается картина трудовых будней и праздников стрелкового взвода, которым командует бывший солдат Отечественной войны, герой венских боев. Трудные будни Советской Армии действительно стали трудовыми и мирными: бойцы со всей страной ведут работы «по насаждению рощ, дубрав, садов, скверов...». Об этом Гудзенко говорит с большой выразительностью:

Да здравствуют руки солдата, которые делают все: и праздничные плакаты, и мельничное колесо, и в полный классический профиль окоп, и кирпичный завод, и вырастают в толках картофель, и вырастают водопроеды!

Но есть в буднях Советской Армии и марши по безводным пескам, когда армия «отрабатывает выдержку и силу»; есть и нерадостные встречи с лазутчиками — посланцами «холодной войны»; есть в этих буднях зоркое, настроенное приглядывание ко всему окружающему нас миру. Поэма рассказывает об этом в отрывочных, нашедших строфах. Ее внутренняя сдержанность лиризм точно прилеплен, он пропитан высоким чувством советского патриота, сыновней любовью к армии и к ее славным людям. В те времена, когда в нашей поэзии были весьма распространены догматические отсылки от важных жизненных тем, когда стихи нередко бывали идеологичны, как резолюция, и равнодушны, как циркуляры, Семени Гудзенко удалось создать это полное душевной силы, содержательное повествование.

Многие его стихи еще ждут, чтобы их процитировали, выучили наизусть, прочли детям, напомнили в нужной час близким. Эта поэзия обречена на то, чтобы снова и снова оживать в нашей памяти, навсегда оставаться молодой.

Семени Гудзенко уходил из жизни, едва достигнув тридцатилетнего возраста. Он уходил нестерпимо тяжело. Умный и талантливый хирург дважды врубался в драгантивую шапкушку черепа, пытаясь спасти его мозг. Дважды возвращался к больному и к его близким надежда. Он безумно хотел выздороветь, жить, работать. Голова его пылала от несвершенных замыслов. Он был необыкновенно сильным, выносливым человеком; самой природой был он предназначен для долгой жизни, для непрестанной деятельности, для роста. Все это у него ярки расцвет в будущем. Все это погибло вместе с ним. Среди тяжелых утрат последнего десятилетия, — а их было достаточно много, к нашему несчастью, — утрата этого молодого, блестяще одаренного человека как особенно трагически и нелепо нарушает основные представления о законах жизни, о ее справедливости. С этим невозможно примириться. К оценке сделанного поэтом вернуться еще не оин раз. Оценка будет все обоснованнее, доказательнее, подробней. Эта статья остановилась на полстопке к большой теме. Нищий ее должен сознавать, что, несмотря на три с лишним года, минувшие после смерти Семени Гудзенко, он писал так, как если бы свежая могила на Ваганьковом была только что засыпана и мартовский снег впервые покрыл собою черные холмы земли над прахом нашего друга.

Мимо окна прошла красивая девушка

Кто писал, а кто в бумагах рылся, Посетитель на начальство злился, Машинистка копии снимала, Секретарша почту принимала...

Вдруг один, сидевший у окна, Забрался и замахал рукой: — Посмотрите, как она стройная, — Все же видел девушку такой! Все вскопал, бросил работу, Посетителя, машинку, споры, Опрокинул пельменину кто-то, — Все в окошко устремились взоры, И, тесня друг друга и толкая, Повторяли: красота какая!

А бухгалтер, старый и солидный, Встал на стул, чтоб лучше было видно. Все в окошко на улицу смотрели, И министр, впервые за неделю Торговались от текущих дел, Тоже на красавицу глядел. А у застывшихся парней Шел стая везетво длящая... Простелся к околу со всех я ног, Но пробиться все-таки не смог. Наконец, я подошел поближе. У окошка встал — но что я вижу? Со старушкой стариком проходит, Министровский «ЭЙМ» шофер заводит...

— Где она? — я кричу в окно, А шофер, смеясь: — Проща давно! Ведный! Ты не видел? Это ж чудо! — Кто она, — спросил я, — и откуда?!

Прел в окне думный день апреля, Долго мы на улицу смотрели, Стало в нашей комнате светлей, Каждый думал о любви своей...

А когда я вышел — вижу вдруг, Ты идешь среди своих подруг, Так светла, красива и стройна, Что я сразу крикнул: вот она!

Перевел с аварского Елена НИКОЛАЕВСКАЯ и Ирина СНЕГОВА

Древнерусские рукописи

Экспедиция сектора древнерусской литературы Пушкинского дома побывала летом в наиболее отдаленных деревнях, расположенных в районах средней и южной Пензы. Там было приобретено несколько десятков рукописных книг XVI-XIX веков. Это старинные повести и сказания, образцы стихотворной поэзии перочерка, сочинения протопопа Авакума, материалы по народной медицине и другие.

Как и в прошлые годы, археограф удалось найти ряд местных перочерков произведений. Наибольший интерес представляет «Житие» Ивана Акиндиновича, основателя Великопожского старообрядческого общежитства. Он в 1744 году подговаривал великопожские сечьские в срубе, а сам по деревне скрытно спустился вниз и через год написал покаянное «Житие», в котором собрана ряд интересных сведений из истории местного края. Списки этого произведения представляют исключительную библиографическую редкость.

Среди рукописей XIX века следует выделить дневник балтийского моряка, коменданта первой станции гвардейского флотского экипажа, ныне 86-летнего Аняния Фотиевича Борбюва, который на протяжении семи лет (1893-1899 гг.) записывал наиболее интересные, по его мнению, события флотской жизни, а также впечатления от путешествия по западным странам на яхте «Полярная звезда».

Всего на Пензенские экспедиции сектора древнерусской литературы Пушкинского дома приобретено около трехсот рукописных книг XV-XIX веков исторического и литературного содержания. Выявлено несколько произведений местных перочерков авторов, в том числе: «Повесть о быке», построенная на перочерковых народных легендах и рассказывающая о торговых связях Усть-Цильмы с Великим Устюгом в XVIII веке, «Сказание о двух снохах», «Плач по Москве», «Повесть о самосожжении на Пижме» и др. Некоторые из этих произведений до сих пор не были известны.

В настоящее время в Пушкинском доме начато подробное описание перочерковых рукописных собрания.

И. ЧУПРОВ

Жизнь Ивана Франко во Львове, где он на протяжении 40 лет написал многие десятки художественных произведений и сотни статей, была примером необыкновенного трудолюбия и энергии. Когда вспоминаешь встречу с великим писателем, невольно задается вопросом: что же можно прибавить к достаточно полной характеристике Ивана Франко, созданной на основании его произведений, к известным биографическим данным и к воспоминаниям его современников?

Современники писателя изображали его необычайно трудолюбивым, всесторонне образованным, умным, стойким, уравновешенным и отзывчивым. Известно, что ему пришлось испытать аресты и гонения властей, бороться за существование, самостоятельно пробивать себе дорогу среди препятствий, создаваемых его политическими врагами.

Нынешний читатель, не имеющий возможности представить себе достаточно четко ни условия, в которых жил писатель, ни живого его образа, склонен представлять себе его скорее как гиганта-каменолома, пробивающего высокую скалу, или как Моисея, указывающего своим постохом путь среди пустыни к обетованной земле.

Между тем своей частной жизнью Иван Франко был человеком очень скромным, чувствующим себя, как любящим, познанию красочерпия. Он избегал монологов, не любил поучения, предпочитал не говорить, а слушать своих собеседников.

В начале этого века во Львове — городе легкомысленно-бесечной австрийской империи — тьсячи людей с 12 часами дня до поздней ночи проводили время в кабакчашах и кафе за бесконечными разговорами. Франко крайне редко принимал приглашения в гости, в ресторан или в кафе. Очевидно, поэтому его считали человеком малообщительным.

Но, очутившись в обществе, Франко всегда умел поддерживать общее настроение, хотя и старался ничем не привлекать к себе специального внимания. Группа студентов Львовского университета пригласила его однажды сделать доклад о новых течениях в литературе. Студентка, занявшая организованной этого вечера, заакала извозчика, объяснив, что хочет после доклада отвезти писателя домой. Но повела она его и своим родителям на чай. Франко вынужден был согласиться, так как студентка сумела убедить его, что она считает своим долгом как-то скромно отблагодарить писателя за прочитанную лекцию, за внимание к молодежи.

Разговор за чаем начался с вопроса, почему так редко можно побеседовать с Иваном Франко на темы, волнующие молодых любителей литературы.

— Если у вас есть интересные проблемы, — ответил Франко, — охотно постараюсь вам помочь. Но думать ли вы когда-нибудь о том, что полезным бывают разговоры только о тех вопросах, над которыми вы раньше сами мучительно размышляли? Мысли, как зерна, дают росток и созревают только на определенной почве.

Молодая хозяйка дома Ася Ш. остроумно возразила против того мнения, что все разговоры должны обязательно быть только умными.

— Из биографии знаменитых людей, — сказала она, — мы знаем, что писатели и философы не всегда избирают только равных себе для духовного общения. У них воспитываются на книгах, а сердце...

— Вы хотите сказать, благодаря женщинам, — окончил ее мысль Франко.

— Вы же не станете отрицать, что без женщин не было бы и литературы?

— Писатели, — ответил Франко, — настолько странная порода людей, что они требуют от женщин или слишком многого, то есть невозможного, или ровно ничего. И в одном и в другом случае они идеализируют свою избранницу...

— А это разве плохо? — Янине не спрашивал нас: плохо или хорошо? Тем более нельзя задавать подобных вопросов своему сердцу. А самое странное у писателей то, что они не могут молчать о своих переживаниях и должны свои самые сокровенные тайны поведавать всему миру...

— Но ведь писатель может, — рассуждала Ася Ш., — изменить с помощью фантазии настоящие факты своей жизни настолько, что посторонние никогда не смогут узнать истины... — То, что писательская фантазия, — сказал Франко, — привносит в действительность, никогда не может изменить самого существующего, а именно: писатель, как и любой другой человек, верил, надеялся, страдал — искал в другом существе воплощения лучших своих стремлений. А борьбы за осуществление своего идеала среди определенных обстоятельств и препятствий, раскрытия причин своих ошибок и разочарований или истинная своего порыва — всего этого выдумать нельзя.

Писатель описывает не только то, что он лично пережил, — заматал один из собеседников. — Не может же писатель, например, влюбляться столько раз, сколько герои его произведений.

— Но он должен уметь понимать психологию других людей, — ответил Франко. — Ведь ваша собственная любовь — не что иное, как только понимание чужого сердца...

Писатель вдруг взглянул на часы:

— Мне пора идти. Я и так засиделся. — Ну, что же! — пошутила Ася Ш. — В вашем литературном наследии будет одним произведением меньше. Но вы должны подождать, пока мы вызовем извозчика.

— Вы уже раз обманули меня, — улыбаясь, Франко, — уверяя, что доставляете меня домой. Я пойду пешком... Это мой единственный вид спорта. Мы проводили его дома! По дороге пробавали узнать, над чем он работает.

Писатели бываюи иногда суверенными, как кухарки. В тесте может поучиться закалка, если им заранее похвалятся...

В начале 900-х годов, когда западные веяния символизма и декадентства проникли и во львовские кафе, И. Франко однажды поместил язвительную резолюцию на сборник, составленный группой авторов так называемой «Молодой музы». Два моих старших друга, поэты П. Карманский и В. Пачовский, задетые иронией Франко, решили с ним объяснить и отправились в кафе «Монополи», где Франко обычно останавливался читать газеты и журналы.

Они ваяли с собой и меня, чтобы я мог быть свидетелем уничтожающей силы их аргументов.

Первый пушечный выстрел прозвучал довольно громко: — Чем вы можете объяснить, что когда мы печатали свои стихи в вашем журнале (здесь имелся в виду «Литературно-научный вестник»), они были хороши, а когда мы печатаем их сами, они, по-вашему, плохи?

Франко спокойно взглянул на поэтов: — Это, вероятно, происходит оттого, что я предъявляю к вашим стихам более строгие требования, чем вы. — Но ваше мнение об этих стихах было не критично, а издательством.

— Вы сами умеете смеяться, почему же вы мои слова принимаете так близко к сердцу? Я только процитировал некорректные строки, считая, что писатели сами responsible в их качестве. — Но подобный метод...

...дает возможность читателю, продолжил Франко, убедиться, насколько критик неправ. У вас ведь есть свои поклонники, считающие, что именно так, как у вас, и выглядит настоящая поэзия...

Молодые пылкие поэты иначе представляли себе спор. Они были уверены, что Франко будет ругать и громить их за идеал «чистого искусства».

— Существенный недостаток вашей лирики, — говорил Франко, — а многие из вас и в прозе не могут обойтись без этой лирики, — заключается в том, что как вы любите выражаться чувствами, не требующими никаких мыслей. Ваше чувство, может быть, и существует, но оно не выражены на бумаге. Литературный произведений является чувством одиночества. Этот мотив был широко использован романтиками. Единичные чувствовали себя Шеллепцо, Лермонтов, Байрон, Мицкевич, но когда они говорили о своей скорби; они выражали какие-то вполне определенные претензии к определенным условиям своего времени. У них много глубоких мыслей, неотъемлемых от их чувств. У одинокого человека даже в пустыне сознание его полной оторванности от мира может вызывать интересные новые мысли. А поэзия без новых мыслей — не поэзия, во всяком случае, не новая...

С 1907 по 1915 год я часто встречал Франко на улице, ведущей к его дому. Когда я однажды зашел в соседнюю бакалейную лавку, то увидел там писателя в необычной позе. Он наклонился за прилавком над какой-то книгой, за которой сидел молодой человек. Знакомый владелец лавки счел нужным объяснить мне эту картину:

— Господин доктор (так он называл Франко) проверяет знания моего сына... Франко, увидев на моем лице удивление, прибавил:

— Этот молодой человек, кажется, редкий экземпляр. Он прекрасно знает греческий язык. Но я обнаружил, что он слишком увлекается греческой грамматикой. Это, конечно, вина Витковского (профессор греческой филологии во Львовском университете). Вас учат разбираться во всех вариантах «хорос» и «ферос» у Гомера и Геродота, а Ксенофонт вы не хотите читать даже для стили. Нужно читать Платона, Софокла и Аристофана для удовольствия и познания, почему они интереснее романов Дюма.

Я осмелился заметить, что шесть лет для изучения греческого языка и литературы в гимназии — слишком мало.

— Потому, — ответил Франко, — что вы смотрите на классику, как на текст учебников, а не как на величайшее творение человеческого гения, к которому нужно тянуться, как к источнику понимания жизни и искусства. Я очень доволен, что мои сыновья вывели из школы любовь к античным авторам.

Лавочник вложил Ивану Яковлевичу буханку хлеба под мышку. В последние годы жизни руки писателя были парализованы. Я хотел ему помочь, но он отрицательно покачал головой:

— Собственно говоря, покупать хлеб — дело женское. Но мы должны бы сами это делать почаще, чтобы почаще думать о том, заработали ли мы его честно каждый день.

Жители этой улицы каждый вечер видели, как с буханкой хлеба, принарятой к груди, возвращался домой всем известный писатель. И никому не приходило в голову облегчить ему жизнь, избавить от лишней работы.

Во всей его жизни, в живом образе великого писателя, никогда не прибегавшего даже в минуты тяжелых физических страданий, был высокий и благородный смысл.

М. РУДИЦКИЙ

Львов

Н О В Ы Е

Агашина М. Бабье лето. Стихи. Сталинградское книжное издательство. 94 стр. Цена 1 руб. 65 коп. Советский писатель. 480 стр. Цена 8 руб. 35 коп. Барышников А. Кто честен и смел. Роман «Советский писатель». 480 стр. Цена 8 руб. 35 коп. Воронин П. Трудное хозяйство. Разговор о любви. Очерки. Новосибирское книжное издательство. 218 стр. Цена 4 руб. 85 коп. Воронин П. Долг. Стихи и поэмы. Повесть о украинском «Молодая гвардия». 112 стр. Цена 3 руб. 10 коп. Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Столичные встречи. «Советский писатель». 607 стр. Цена 19 руб. Голман Э. Крошша Пахес, по повествованию Цибулере Перелод с немецкого А. Морозова. Гослитиздат. 127 стр. Цена 1 руб. 65 коп. Журналы В. Довганя и Г. Рубиной. Роман в 3 частях. 1. Ростовское книжное издательство. 165 стр. Цена 5 руб. 30 коп. Катков В. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. I. Гослитиздат. 639 стр. Цена 12 руб. Надрина З. Литературно-критические статьи «Советский писатель». 319 стр. Цена 7 руб. 20 коп. Кузнецова А. Свет-трава. Повесть. «Советский писатель». 231 стр. Цена 4 руб. 40 коп. Лагин Л. Аталия Проксима. Фантастический роман «Молодая гвардия». 477 стр. Цена 8 руб. 65 коп. Мас Дунь. вод с италисского. Гослитиздат. Т. I. 461 стр. Цена 11 руб. Т. 2. 562 стр. Цена 11 руб. Муштакин Г. Шиняков. Веселые Повесть. Перелод с италисского. «Советский писатель». 208 стр. Цена 4 руб. Саврт Н.-П. Только правда. Повесть в 4 книгах. Авторизованный перелод с французского О. Савина и П. Эрвенгофа. «Искусство». 122 стр. Цена 4 руб. Синеро Э. Товарищ. Перелод с финского Т. Сумманла. Повесть. Перелод с финского Т. Сумманла. Повесть. 95 стр. Цена 2 руб. 20 коп. Туржанская В. Дорога Елены Никитиной. Роман. Старописьское книжное издательство. 628 стр. Цена 11 руб.

борьба за возрождение малых жанров. Часто не можешь найти не только большой рассказ в четверть авторского листа, но и небольшую содержательную статью, маленькую, да удающую рецензию. В этом отношении, кажется, особенно тяжелое бо приходится выдерживать «Неве». Например, редакция предлагает крупному ученому, изобретателю, новатору, деятелю искусства выступить с небольшой заметочкой в отделе «Из почты «Невы» и познакомить читателей с последними достижениями в одной из областей человеческой деятельности. Нередко такое предложение встречает отпор: как можно заслуженному человеку писать какие-то «фитильки»!

Писать коротко — трудно: для этого нужны талант и мастерство. И сегодня не обходима особая забота о развитии малых жанров. Тем печальнее, что противоборство утверждения экономных жанров прорывается иногда на газетные полосы. Так, критик Ю. Андреев в одном из обзоров «Невы» («Вечерний Ленинград», 31 мая 1956 г.) писал: «Пора решительно перестроить практику публикации библиографических микрозаписок».

Стол же безапелляционно выступил в «Ленинградской правде» 18 июля А. Баргн. Он безоговорочно осудил библиографию («по существу, она в журнале отсутствует») — заявил писатель, как и Ю. Андреев, не утруждая себя разбором улач и не улач авторов и редакций в избранный жанр, в принципе отрицав возможность коротких рецензий.

Рецензенты дают директиву: пересмотреть! Они как бы и не знают, что существует давняя традиция у жанра маленьких рецензий, что Белинский писал не только большие статьи, изучаемые сейчас школьниками старших классов, но и неизменно и все же чрезвычайно важные маленькие заметки о книгах и журналах.

Здесь же проявляется нежелание считаться с замыслом журнала, с его композицией, с избранными редакцией профилями отделов. А Баргн требует фактически изменить построение «Невы», чтобы расширить площадь литературно-критического отдела. Он даже гугает нас: «...картина выросовываея тревожащая: уольный вес критических статей в журнале невелик...». Основной тон товарища направлен не на то, чтобы биться за большую емкость слова, за смысловую насыщенность каждой журнальной

подосе, а на то, чтобы расширить отдел. Буквально навязывая такое решение, А. Баргн никак не аргументирует своего предложения, не подкалывает, какой же отдел при этом уместить. Может быть, закрыть отдел «Искусство», отсутствующий в других литературных журналах? Нет, А. Баргн, судя по всему, одобряет этот отдел, не осуждает и другие. Все дело в том, что он ведет речь о критическом отделе «вообще», вне связи с конкретным журналом и определенным количеством страниц. Такой подход к журнальным проблемам напомнил нам суждения голговерского Агафия Тихоновны о женихах. Она, бывало, мечтала: «Если бы губы Николая Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» и т. д. Так же иному тонкому наблюдателю журналов кажется, что если взять критический отдел «Нового мира» да приставить к отряду «Искусство» в «Неве», вот и получится стоящий журнал.

Всякий защитник от каких бы то ни было посягательства право каждой редакции на свой замысел журнала, мы хотели бы подчеркнуть, что в то же самое время нам чудно такое понимание проблемы своеобразия журнала, при котором самоотвечает предстает иррациональной и неизменной сущности: существует, мол, а вы принимайте.

Нет, не всякое своеобразие журнала — как и писателя! — следует признавать и поддерживать. Но вопрос об этом должен решаться не с кончатка и не командой, а в результате свободного обмена мнениями. Право на развитие той или иной черты своеобразия должно быть проверено жизнью общества. Вот только после XX съезда КПСС «Знамя» в отделе публицистики стало давать на поддержку больших статей материалы по рубрике «Факты и цифры». Вероятно, не одна вучатая памятная дамы приятной во всех отношениях, некогда изображенной великим сатириком, воскликнула: «Сюнапель истор!» И точно: «Знамя» дерело поломало традиции наших «академических» журналов, ввели «газетную» рубрику, «по-газетному» ее верстает. Для этого нужно было мужество: ведь эпите «газетный» иные наши литераторы превратили в жулел. Нам же представляется, что «Знамя» здесь нашло свой жизненно, обоснованный путь наиболее быстрого вторжения в самые насущные проблемы народного деяния.

Для успешного развития нашей журналистики и литературы важно разобраться и в том, за что отвечает редакция и за что автор. В этом у нас много неразберихи, которая отрицательно сказывается на литературном процессе.

Роль редакция возрастала за годы советской власти непрерывно. Важнейшим достижением эпохи явилось то, что у нас стал невозможен журнал, подобный почтовому ящику: что приходит, то и напечатает. В связи с этим необычайно возросла интенсивность редакторы, значительно повысилась ее качество.

Однако, как это часто бывает, жизненно здоровый процесс сопровождается чем-то противоположным себе, болезненным. Так произошло в последнее десятилетие и в нашей редакторной, на которую возложена ответственность буквально за все, за что раньше отвечал суверенно сам автор. Последствием было не только повшшение требовательности редакций к публикуемым произведениям, но и такие тяжелые грехи, как «приглаживание» рукописей, «заредиктование» их, нивелировка авторского стиля.

Нам думается, что редакции должны непосредственно отвечать только за идейную направленность печатемого произведения, за общий художественный уровень. Между тем разрешение проблемы «автор — редакция» носит у нас зачастую просто-таки комический характер. Вот яркий пример. Рецензируя июльский номер «Невы» («Вечерний Ленинград», 30 июля 1956 г.), Д. Левоневский прочитал начало романа Н. Вирты «Крутые горы», менее одной десятой всего произведения. Рецензент удовлетворенно писал: «Роман «Крутые горы» — проблемное, многоплановое, остроконфликтное произведение с яркими, правдивыми сценами, запоминающимися образами действующих лиц». Однако сразу же за этими словами следует назидательная фраза, ставшая традиционной: «К сожалению, редакция недостаточно поработала над подготовкой рукописи». В доказательство приводятся два — разве два! — довольно обычных для Н. Вирты стилистические оборота, вырванных из собственного автору речевого потока.

Если мы всерьез намерены дать простор своеобразию художников слова, то прежде всего надо побороть тех, кто усматривает в писателе школьника, не выучившего уроков, а в редакторе — ментора, обязанного безбоязно править ученическое сочинение.

4. Создание хорошего журнала зависит не только от решения идейно-художественных и литературно-организационных вопросов. Материально-базис, типографское производство, финансирование — все это факторы, влияющие на развитие журнального дела. А сколько здесь неполадок?

Устаревшая типографская техника кладет порой тяжелый отпечаток на журнал. Редакция «Невы» выслушала множество отзывов и даже издков по поводу того, что цветные рисунки и фотографии в журнале то и дело оказываются окруженными ироуродным текстом (виды современной Москвы могут попасть между листами произведения на историческую тему). К сожалению, так было, так есть и так будет до тех пор, пока типография не освоит новейшую технологию приклейки.

О бумаге лучше и разговор не заводите: для «Невы» ее с боями брали уже с трех разных фабрик, а печатники по-прежнему мучаются: большое количество отисков тонových кише подучается слепым, брак выходит ва пределах всех норм. Бумага! Сколь о ней писалось, сколько было рейдов «Литературной газеты», а вот и ныне там.

Много, много есть острых и больших вопросов в журнальной практике. Пора перестать обходить их стороной. Не все благополучно обстоит и с гонорарами, которые чересчур зависят от «погонных метров», то бишь строк. Практика подкалывает, что надо решительно расширять ставку аккордной оплаты на все «малые жанры» и, пожалуй, даже на небольшие повести.

Конечно, если ставить вопрос о большой свободе редакции в числении авторского гонорара, то следовало бы подумать о переводе журналов на хозрасчет, что требует всестороннего обсуждения.

Да, о делах журнальных нужен большой разговор. Многие мог бы сделать журнал «Советская печать», которому под силу создать для этого специальную трибуну. Положить начало обмена мнениями о состоянии нынешней журналистики, безусловно, следовало бы и «Литературной газете».

От редакции: публикуя статью А Черненко и Н. Багина, редакция просит высказаться по затронутым вопросам редакторов, писателей, критиков и читателей.

ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ

Рисунки Субромо, руководителя Лицея культуры молодежи индонезийского города Кебури.

1945 год. Индонезийский народ борется, требуя свободы. 17 августа 1945 года была провозглашена независимость Индонезии.

1950 год. Революция завершена... Мы начинаем создавать...

1952 год. Молодая республика должна активно строить.

1955 год. Прогрессирует государство — развивается образование!

1956 год. Для индонезийской молодежи открыты все дороги.

Советский народ приветствует Президента Сукарно

«Бунг Карно» — «друг Карно» — так называют Президента Сукарно в Индонезии. Он очень популярен в народе. И это неудивительно. За короткий срок президент немало сделал для прогресса своей страны: ликвидируются тяжелые последствия колониализма, осуществляется индустриализация. Большие успехи достигнуты в области сельского хозяйства. Сукарно часто совершает поездки по индонезийским островам, бывает в самых отдаленных и глухих уголках страны. Про Сукарно справедливо говорят, что он живет жизнью своего народа.

28 августа Глава Республики Индонезии прибыл в столицу нашей Родины по приглашению Президиума Верховного Совета СССР.

Советский народ всегда с горячим сочувствием относился к национально-освободительной борьбе индонезийского народа, отстаивая независимость и свободу своей страны. Для экономического развития Индонезии важнейшее значение имеют ее торговые связи с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Индонезийская газета «Сулу Индонезия» писала, что экономические переговоры, происходившие недавно между Индонезией и Советским Союзом, проводились в духе искренности и уважения. Сотрудничество наших стран основано на принципах полноравенства и взаимной выгоды.

Советский и индонезийский народы связывает общее стремление к миру, верность получившим всемирную известность пяти принципам мирного сосуществования и дружественного международного сотрудничества всех стран.

С каждым днем растет международный авторитет Республики Индонезии: прогрессивная общественность горячо одобряет миролюбивую политику президента Сукарно. Известно, что он был одним из инициаторов создания исторической Бандингской конференции, осудившей систему колониализма и провозгласившей принципы мирного сосуществования основой современных международных отношений. В полном соответствии с этими принципами Индонезия вместе с Индией, Бирмой и Цейлоном отказалась участвовать в военных блоках и группировках, сколачиваемых колониальными державами в Азии. Индонезийское правительство выступает за запрещение производства и испытания атомного и термоядерного оружия.

Республика Индонезия — последовательный и решительный боец против всех проявлений колониализма. В защиту суверенных прав Египта в вопросе о Суэцком канале провозгласил голос Президента Сукарно, заявившего, что проники западных держав затронули не только Египет, но и все колониальные страны.

Общая борьба за мир, за счастье и прогресс человечества — такова прочная основа дружбы советского и индонезийского народов. Индонезийская печать горячо приветствует поездку своего Президента в Советский Союз. «Сукарно покидает страну и народ», — писала газета «Сулу Индонезия» накануне отъезда Президента в СССР, — «но в действительности Сукарно продолжает жить вместе с народом, так как его голос будет голосом народа, который желает мира, желает, чтобы народы проявляли взаимопонимание и уважение друг к другу, чтобы они имели возможность развивать свои страны».

Гости Пекина

Поездами и самолетами прибывают в Пекин — сердце Китайской Народной Республики — люди со всего света. Среди них коммерсанты и ученые, артисты, эдакие и просто туристы — всех их гостеприимно встречает китайская земля.

Мир и дружбу предлагает Китай всем народам — большим и малым, далеким и близким. Соседом Китайской Народной Республики является Непал. Не сразу найдете вы его на карте мира. Еще недавно Непал называли «страной за семью замками». Только теперь он выходит на международную арену. Знаменательно, что первую в своей истории культурную делегацию эта страна высочайших горных вершин и вечноезеленых субтропиков послала к великому северному соседу.

Не шесть культурных делегаций, театральные и исполнительские труппы, которые принимал в последние дни Пекин. И хотя в столице Китая эту пору стояла томительная жара, хотя в ночные часы залы были душно и не спасали всевозможные вентиляторы, иностранцы артисты выступлений практически не доставляло.

Атмосфера самой теплой дружбы царит на первом концерте югославских артистов в театре «Тяньцзянь». Зрителям встретились аллоидемитамы — прозвучавший со сцены на китайском языке «Марш народных добровольцев» в исполнении знаменитых певиц Народной Республики Словении Вильмы Буковец. Среди гостей с берегов голубой Адриатики был и хорошо известный москвичам тенор Александр Марининович.

В юле пекинцы встречали венгерский народный оркестр и артистов балета солнечной Болгарии. Ансамбль народной танца и музыки «Жаворонок» познакомил китайскую столицу с народным творчеством Румынии. Гостями древнего города были афганская делегация деятелей культуры и многие другие.

История культурных отношений — это история взаимного обогащения. Китай не только принимает гостей. Его лучшие театры выезжают за пределы родины, знакомят другие страны со всем многообразием духовного богатства китайского народа, искусством, составляющим его национальную гордость.

С триумфом прошло в Японии выступление Пекинской классической оперы во главе с прославленным Мэй Лань-фанем. Спектакли театра в Токио, Осака, Нагоя, Фукуока и Явата завоевали сердца тысяч японцев, доставили им подлинное наслаждение. «... Когда я увидел Пекинского оперу, — писал в газете «Асахи» японский литератор Оно Котани, — у меня перехватило дыхание. Такое искусство поистине может волновать до слез». «Люди расходятся, а дружба остается», — говорит китайская пословица. Артисты Пекинской оперы уже вернулись на родину, но можно не сомневаться, что семена дружбы, посеянные ими на острове Японии, попали в благодатную почву.

И в те же дни более двенадцати тысяч белградцев аллоидемиты артистам

китайского цирка, а в Копенгагене датчане знакомы с выставкой китайских книг. В те же дни... Однако вряд ли можно охватить весь этот поток культурных делегаций и культурных ценностей, которыми обменялся народный Китай с другими странами за один только июль 1956 года. Не охватить весь тот огромный мир чувств, мыслей и впечатлений, который рождает подобный обмен у миллионов людей.

Мне хочется рассказать об одном вечере, проведенном в Пекине. Величественный, опоясанный темно-красными колоннами зал в гостинице «Пекин» был полон. Легкие, как воздух, голубоватые китайские фонари высоко под потолком и матовые полусферы электрических лампочек разливали спокойный свет. Пекинская общественность отмечала столетие со дня рождения Бернарда Шоу и пятидесятилетие со дня смерти Генриха Ибсена.

Перед микрофоном поднялся Ленос Робинсон, режиссер Ирландского национального театра, в прошлом один из секретарей Шоу. Немного помолчал, он сказал:

— Я глубоко сознаю честь, оказанную мне как представителю от Ирландии в день столетней годовщины со дня рождения Джорджа Бернарда Шоу. Я уверен: правительства Ирландской Республики и Северной Ирландии будут горды и счастливы, что Китайская Народная Республика чтит сегодня одного из величайших сынов Ирландии.

Вслед за Робинсоном подошел к микрофону его коллега — английский писатель, друг Шоу, Рубей Джэкс Миней. И была большая задумчивость в его голосе, когда он говорил о том как был рад великий драматург, если бы знал, что два великих ему человека — один из Англии, другой из Ирландии — проехали так много миль, чтобы почтить его, Шоу. «Это», — сказал бы он, — правильно, так и должно быть».

— Я счастлив, — закончил свою речь Миней, — что Китай воскрешает славу прошлого великих людей... Несмотря на то, что вы отдадите все силы строительству нового, несмотря на вашу занятость, вы находите время, чтобы почтить память выдающихся людей искусства и литературы, известных миру; сегодня Шоу, вечно Достоевский и Гейне, а завтра Ибсен.

...С торжественного вечера и концерта мы возвращались кружным путем — через площадь Тяньаньмэнь. Из-за угла показалась группа молодежи. В середине шел юноша и негромко, чтобы только было слышно друзьям, напевал серьезную народную песню. Знал ли ее раньше этот китайский юноша или недавно услышал на концерте югославских артистов? Иногда ему несмело подпевали девичьи голоса.

А кругом светились дальние и близкие огни Пекина.

Н. БАБИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПЕКИН

ПРОШЕДШИИ недавно в Карловых Варах (Чехословакия) IX международный кинофестиваль — заметное событие в жизни передового искусства наших дней. Это был самый многолюдный и оживленный кинофестиваль за последние годы: в нем участвовало несколько сот делегатов от сорока трех стран.

При всех различиях есть нечто общее, что объединяет подавляющее большинство новых произведений киноискусства, показанных на этом международном смотре. И это общее, наложившее свою печать на весь фестиваль в целом, настолько знаменательно и важно, что именно об этом и хочется сказать в первую очередь.

Лучшее из того, что мы увидели в Карловых Варах, проникнуто духом все более солидарного прогрессивных художников напряженного интереса к жизни, работе и борьбе простых людей, к их судьбам и характерам. Это и есть наиболее выразительная черта нынешнего чехословацкого кинофестиваля. Как хорошо сказал в своем выступлении в Карловых Варах итальянский кинорежиссер Глауко Пеллергрини, «за знаменем, но вневещным над зданием дешевой фестивалей, идет каждый честный киноработник, сознающий свою ответственность». Именно чувство ответственности заставляет художников обращаться к жизни и внутреннему, душевному миру простого человека, к его надеждам мечтам и думам.

Бесспорно, экраны мира еще забиты пошлой и лживой киномакулатурой, ноющая лоск и лак на действительную жизнь миллионов людей, грубо искажающей эту жизнь. Но столь же бесспорно и то, что борьба с аляповатым украшательством действительной жизни, с ложью во имя правды становится все более заметной и влиятельной тенденцией современного прогрессивного кино.

С этой точки зрения знаменательно, что на нынешнем карловарском фестивале почти начисто отсутствовали столь распространенные еще в недавнее время «величественские» либо буффонские пышные псевдоисторические картины. Очевидно, они уже «не делают погоды» в кинематографе.

Усилия прогрессивных кинохудожников представляются тем более значительными, что, как правило, им приходится преодолевать на своем пути очень серьезные препятствия. Выразительным примером в этом отношении может служить история постановки бразильского фильма «Рио 40» (режиссер Нельсон Перейра дос Сантос), несколько месяцев находившегося под запретом полиции.

Знаменателен и успех, выпавший на фестиваль на долю австралийского фильма «Три рассказа» (режиссер Сесиль Холмс). Это экранизация трех литературных произведений, принадлежащих перу прогрессивных писателей Австралии (Г. Лоусона, Ф. Харди, П. Петерсона).

Независимое австралийское кино, как рассказали на фестивале режиссер этого фильма, находится в очень трудных материальных условиях. Экраны австралийских кинотеатров фактически оккупированы голливудом. Но молодежь кино Австралии настойчиво стремится утвердить свою национальную независимость и самобытность. Пока оно еще достигло

Заметки о зарубежном киноискусстве

немногого. В среднем независимые австралийские киноработники выпускают всего лишь по одной полнометражной картине в год, но они репрезентативны, как сказал Сесиль Холмс, желания «создавать такие фильмы, которые разбудят национальное сознание нашего народа, которые расскажут всему свету о том, как мы живем, почему так живем и как хотим жить».

Фильм «Три рассказа» проникнут неподдельным чувством любви и уважения к простому человеку, человеку-труженику. Наиболее выразительна в этом отношении первая часть картины, воссоздающая средствами кино очень трагичную и очень человеческую историю, рассказанную Г. Лоусоном (автором известного советским читателями сборника «Шанка по кругу»), который в Австралии чуть как «отца народной литературы».

Лоусон рассказал о том, как утонул какой-то никому не известный бедняк. Но нашлись люди, понимающие, что такое долг человека перед человеком. Они хоронят незнакомца, как своего товарища, друга, соратника, и говорят над его могилкой хорошие, простые, честные и благородные слова. За скупым внешним действием в этой отличной картине есть богатый подтекст. Она будит благородные чувства, учит тому, что человек должен быть опорой другому, стоять с ним плечом к плечу, выручать его в беде.

Эта тема взаимной выручки с большой силой и экспрессией выражена во французском фильме режиссера К. Жака «Если бы все парни мира...», о котором уже немало писали в советской прессе. Этот фильм наиболее ответил духу фестивалей. Тема солидарности и дружбы простых людей, по велению сердца объединившихся для того, чтобы выручить из беды тех, кого они и в глаза не видели, выражена в этой картине так убедительно, что, несмотря на хроникальность и некоторую, на наш взгляд, художественную схематичность, она по праву была отмечена «Большой премией фестивалей».

Сильное впечатление произвел японский фильм «Полуденный сумрак» (режиссер Т. Имаи), также награжденный одной из основных премий фестивалей — «Премией всемирного прогресса». Это гневное, обличительное произведение, вопиющее против несправедливости и произвола. В основе фильма лежит истинное происшествие — страдания неповинных людей, обильно обвиненных в тяжком преступлении. Вот яркий пример того, как искусство может успешно вмешиваться в жизнь: появление этого фильма на экранах Японии вынудило верховный суд вернуться к пересмотру дела.

Отличную реалистическую картину показали на фестивале финны. Это последняя работа недавно скончавшегося режиссера Халлстрема «Иосели с Фиором» (ее название на советских экранах «Сухой закон») — неприкрашенный рассказ о тяжелой доле просодушного крестьянина-бедняка, втянутого в неблагоприятные дела сытими и хитрыми людьми. Жаль, что эту сильную картину несколько портит конец — слащавый, не выходящий за пределы пафоса и фантома суровой правды жизни.

Американское кино было представлено на фестивале картиной «Мэри», по-

казанной вне конкурса. Эта картина, получившая в 1955 году «Большую премию кинофестивалей» в Каннах, производит глубокое впечатление и благодаря мастерству режиссуры (Дельберт Манн) и благодаря великолепной игре исполнительницы главной роли — Эрноты Боргнайна. Это очень проникновенно рассказанная история рядового, во всех отношениях «маленького» человека, миссина в магазине, добродушного и робкого холостяка, который никак не может наладить свою личную жизнь. Наконец, ему это удается. И как бы ни был робок и ограничен его «бунт», мы видим, как духовно расширяется «маленький» человек, как обретает он в себе силу и уверенность и добывает себе свое скромное счастье.

В короткой газетной статье невозможно охарактеризовать даже самые интересные из просмотренных на фестивале фильмов. Можно лишь упомянуть в этой связи французские картины «Лучшая доля» и «Это расцвет», аргентинскую — «Каменные горизонты», итальянскую — «Римские рассказы». Многие можно было бы назвать, например, об австрийской картине «Господин Пунтилла и его слуга», сделанной известным бразильским режиссером Кавальканти по пьесе всемирно знаменитого, только что скончавшегося немецкого писателя Бертольда Брехта. Это — резкая социальная сатира, хотя и выполнена она в формах веселой комедии, почти водевиля. За смешным и шутовским (Пунтилла замечательно играет Курт Боке) зритель угадывает большое и серьезное содержание, глубокую мысль. И тут все то же противопоставление богатой правды жизни и скромного, честного труда, те же два лагеря — тушедей, выживших в маршмизме, и настоящих людей — спокойных, разумных, знающих себе цену.

Из того, что было показано на фестивале, напрашивается общий вывод. Правда жизни властно влечет к себе самых различных художников. Она учит их и зачастую переучивает. И в этом залог их творческих успехов.

А как только художник отворачивается от действительной жизни и ее запросов, как только он закрывает глаза на ее строгую правду и пытается глядеть на нее глянец и лоск, он неминуемо терпит поражение.

Пример тому — показанный на фестивале пышный и в техничном отношении хорошо сделанный широкоэкранный испанский фильм «Юшка». Авторы фильма, если верить их заявлениям, хотели показать жизнь и нравы нынешней испанской деревни. Но показали нечто совершенно иное — очень нарядное, но совершенно условное, «оперное» зрелище, в котором действуют стандартные демонические красавицы и пыльные любовники.

Поэтому же неудачно прозвучала итальянская картина «Страсть» где незурядное мастерство режиссера (Л. Виссони) и усилия хороших актеров и даже музыка Брукнера растрачены на ordinaria мелодраму в духе псевдоисторической кинобеллетристики.

Фестиваль в Карловых Варах доказал, что идея борьбы за мир и дружбу народов объединяет талантливых и честных художников, хотя они и стоят зачастую на различных политических позициях.

Вл. ОРЛОВ

Клеветники из «Нейе дейче хэфте»

Томас Манн. Это имя неразрывно связано с представлениями о высоком гуманизме, о большом национальном таланте, поставленном на службу благородным идеалам человечества. В дни восьмидесятилетия со дня рождения писателя газеты и журналы всего мира воздали дань уважения и благодарности человеку, которым по праву может гордиться немецкий народ.

Однако, перечитывая западотерманские журналы, можно обнаружить, что не все в Федеративной Республике разделяет эту законную гордость: так, у журнала «Нейе дейче хэфте» имя Томаса Манна вызывает лишь прилив безудержной злобы. Клеветники из «Нейе дейче хэфте» стараются убедить читателей, что автор «Исповеди авантюриста Феликса Крулла» — сам авантюрист, лишенный элементарного чувства собственного достоинства. Что же выведло из себя журнал «Нейе дейче хэфте», осмелившийся подобным образом отозваться о неоконченной последней книге писателя? А то, что роман этот посвящен разоблачению авантюризма, являющегося приметной особенностью современного капиталистического общества. Таким образом, выступая против Томаса Манна, вдохновители ста-

ть в «Нейе дейче хэфте» разоблачают сами себя. Как это говорится, «на воре шапка горит!»

Кого же противопоставляет журнал Томасу Манну? Исчерпывающим ответом может послужить ланегирская статья, опубликованная журналом по случаю другого 80-летнего юбилея: юбилей не кто иной, как Ганс Гримм, — идеолог и бард фашизма, автор пресловутого романа «Народ без жизненного пространства», в котором он обосновывает и восхваляет до небес агрессивные устремления нацизма. Комментарии явно излишни — одна идеология гитлеризма и грядный ласкался по адресу Томаса Манна достаточно красноречиво характеризуют облик журнала. Можно еще добавить, что журнал называет Генриха Гейне «великим развратителем немецкой поэзии» и пишет, что марксизм — это «воплощение антигуманизма».

После этого нас не удивит, если в одном из последующих номеров журнала найдется место для ланегирского выступления по поводу «юбилейной» даты, связанной, скажем, с выходом в свет первого издания книги «Мейн кампф». Бесславный конец его автора, по-видимому, ничему не научил издателей журнала «Нейе дейче хэфте».

С этой точки зрения программа республиканской партии наводит на размышления. Дело прежде всего в том, что внешняя политика США, препятствующая упрочению мира, изображается в программе как политический курс, обеспечивающий американцам благо мира и процветания. Тем самым предпринимается попытка доказать, что провалившаяся и вредоносная политика «с позиции силовика», это, будто бы, здравая политика, вовсе не нуждающаяся в серьезных коррективах. Между тем, как показывает самый блекий обзор внешнеполитических позиций США, американской дипломатии еще предстоит проделать немало доволно крутых поворотов, прежде чем она сможет с полным основанием утверждать, что ее политический курс способен укреплять мир, а не подрывать его основы.

Авторы республиканской программы с непонятной гордостью обещают проводить и в будущем такие мероприятия, которые самым серьезным образом затруднят дальнейшее движение человечества от угрозы войны в направлении прочного мира.

Здесь и «возражения» против допуска коммунистического Китая в ООН» и поддержка «мошнных вооруженных сил». Этой последней задаче уделено немалое внимание — ей отведен специальный раздел, в котором подробно излагается план поддержания «самых мощных ударных сил в мире».

Далеко не мирный тезис — о пользе гоним вооружений — развивали в своих выступлениях на съезде Г. Гувер-мл., представлявший на съезде государственного секретаря Даллеса, и министр обороны Уильсон. И это не может не настоятельно напоминать, порождая у них серьезные сомнения в искренности деклараций миролюбия, раздававшихся на съезде.

Суля американцам мир и процветание, съезд в Сан-Франциско не выдвинул никаких конкретных планов обеспечения мира. А между тем именно этого требуют сейчас простые американцы. Журнал объединенного профсоюза американских горняков «Юнайтед майн уорнерс» потребовал недавно, чтобы как демократическая, так и республиканская партии выступили перед избирателями с подлинным «планом достижения мира».

Разнона отмечая, что американская экономика и вся государственная жизнь страны не приспособлены к условиям мира, журнал призывает составлять для американских трудящихся планы на тот весьма желанный случай, если «Соединенные Штаты осуществят разоружение, полностью или частично».

Обе партии, идя на суд избирателей, внесли немало миролюбивых заверений в свои программы. Но не слов о мире, а дел по укреплению мира ждут от них американцы.

В. МОРЕВ

На съезде в Сан-Франциско

Четыре дня — с 20 по 23 августа — с экранов американских телевизоров не сходящаяся передача из сан-франциско «Корюего дворца» («Кью пэлас»), в котором заседал съезд республиканской партии. Сотни радио- и телепередатчиков были размещены в зале заседаний и кулуарах съезда. Голливудские режиссеры изучали программу съезда, тщательно соразмеряя продолжительность намеваемых зрительской выдерживать шумную демагогию американских политических собраний.

Кандидаты от республиканской партии на пост президента — Эйзенхауэр и на пост вице-президента — Никсон были определены заранее. Но то, что увидел и услышал американский телезритель в эти дни, несколько отличалось от картин прошлых съездов обеих партий — республиканской и демо-

кратической — в 1952 году. Стало меньше крикливых «антимункистических» заклинаний. Реже можно было слышать откровенные воинственные угрозы по адресу стран мира, социализма и демократии; призывы к вмешательству в дела этих стран были более или менее завуалированы. Здесь нет ничего удивительного — американцам до одури надоела военная история, и всякая попытка возродить ее в условиях предвыборной кампании чревата опасностью серьезного политического поражения.

Слова «мир», «прощение» не раз раздавались с трибуны сан-франциско съезда. После окончания съезда печать обмывала, что именно под этими лозунгами будет проходить в текущем году избирательная кампания республиканской партии. Что же это очень хорошие лозунги. Однако политический

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Б-189-17). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: редакция — К 4-06-05, международной связи — К 4-03-48, отделы: редакция — К 4-06-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.